

Елена
Арсеньева

Грешные
музы

ИСТОРИЧЕСКИЕ
НОВЕЛЛЫ
ЛЮБВИ

Елена Арсеньева
Термоядерная Гала (Сальвадор
Дали – Елена Дьяконова)
Серия «Грешные музы»

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=161374

Содержание

Елена Арсеньева

4

Конец ознакомительного фрагмента.

17

Елена Арсеньева

Термоядерная Гала (Сальвадор Дали – Елена Дьяконова)

Телеграмму принесли чуть свет, но она уже давно не спала. Сердце разрывалось от тревоги. Всю ночь, всю ночь однообразно, как биение маятника, в мыслях стучало: «Где он... ну где он?!»

На самом-то деле больше всего ее волновало – с кем он.

Но стоило себе признаться, что думает она только о каких-нибудь пышно-розовых телесах, в колыпании которых сейчас утопает его смуглое, сильное, поджарое тело, как у нее начинало першить в горле, и она начинала просто задыхаться от ревности. Помнится, такое уже было однажды. Ее великий и знаменитый муж тогда принимал в Нью-Йорке русского журналиста. Она была против, ну и правильно! Как поганно тот описал увиденную сцену: «Великий художник сидел в глубине холла... Справа от него расположились две ослепительные девицы рубенсовского телосложения, почти голые и неотразимые... На обеих были надеты ошейники из черного бархата, а поводки их позолоченных цепочек держал в своих руках художник, изредка позвякивая ими. Девицы отвечали на эти звуки громким здоровым хохотом.

Слева от художника сидела его знаменитая жена... Она

была явно не в духе. То ли ее раздражали трясащие неотразимыми телесами шведки, то ли предстоящая встреча с посланцем мира коммунизма, который она ненавидела всеми фибрами своей упрямой души...»

Здесь все вранье, здесь все правда. Она тогда отчаянно приревновала своего «малыша» к девкам, которые были всего лишь реквизитом. Оплачиваемым реквизитом при встрече. Ну не смешно ли? Она, которая сама нашла ему эту модель-певичку Аманду Лир, чтобы «малыш» мог слегка оживить свои угасающие эмоции и чувства, она, которая и сама бегала от него направо и налево, – вдруг приревновала к реквизиту. Ей ужасно хотелось, помнится, плюнуть на них, на этих девиц, или загасить об их «неотразимые тела» горящую сигарету.

Кстати, как только журналист выкатился вон, она именно что плюнула на каждую девку – по два раза! Но насчет сигареты... нет, не решилась!

Тогда.

А сейчас... О, сейчас она только и могла, что снова и снова тыкать даже не сигаретой, а сигарой в столешницу палисандрового столика эпохи Луи XIV. Сигара, конечно, гасла, но она снова и снова подносила ее к свече – свечи горели всю ночь, они были пропитаны особым ароматизированным составом, дающим им силу гореть долго-долго...

«Как я, – подумала она, – я такая же, я горю уже... о господи, подумать страшно, как долго я горю. Но мне мало, ма-

ло, все мало этого огня! Но рано или поздно свеча догорит, и я тоже... Нет, нет, нет, не хочу об этом думать! Страшно, страшно, страшно... Что я буду делать, когда, посмотрев в зеркало, я увижу там не свое лицо, которое было предметом восторгов стольких мужчин (ну да, всякие дураки и дуры пожимали плечами, не понимая, *что они нашли* в этой уродине с длинным носом и слишком близко поставленными глазами, и сравнивали меня то с птицей, то с каким-то грызуном, а между тем я – я! – а не они, эти глупые подборщики глупых сравнений, увековечены в живописи, вознесены на все мыслимые и немыслимые пьедесталы в поэзии), а застывшую в последней судороге маску смерти... моей смерти!»

Она вдруг заметила, что сигара погасла и больше не оставляет следов на драгоценной древесине. Вновь раскурила ее и вновь вонзила в беззащитную поверхность стола. Если бы она была художником, то изобразила бы этот столик, его нежную столешницу вместо лица прекрасной женщины, лежащей с широко раздвинутыми в порыве страсти ногами. Если бы она была художницей...

Нет, почему – «Если бы была художницей»? Она была ею и осталась ею, потому что даже ее великий муж сам признавал: если бы не она, его картин (лучших из них) не было бы.

Ну, короче, она изобразила бы «лицо» драгоценной столешницы со следами пыток и назвала бы эту картину «Красота моя легка, и в этом счастье». Это строка из стихотворения одного поэта, которого она любила когда-то – давно, во

времена незапамятные, и который любил ее. Нет, в том же стихотворении есть строка гораздо лучше: «Я стала сентиментальной». Именно так можно назвать портрет женщины, у которой вместо лица – обожженная сигарой столешница.

«Именно так можно назвать мой портрет сейчас, да? – продолжалось тяжелое течение ее мыслей. – Меня корчит от любви – и тревоги за человека, которого я люблю. Мне восемьдесят лет, но... о господи, прости меня, великую грешницу, но я умираю от любви к синеглазому безумному певцу. И чуть-чуть, самую капельку может извинить меня только то, что сейчас вся планета умирает от любви к нему, к этому поджарому парню, который сыграл Христа в рок-опере «Иисус Христос суперстар», и сейчас я одна из многих. Я стою в одной толпе с девчонками-глупышками, и дешевыми проститутками, и с кинозвездами, и светскими красавицами... Имя им легион, но все-таки я – одна, и он один, нас таких, уникалов, только двое, и как меня когда-то писал мой муж в образе Пресвятой Девы или Мадонны с младенцем, так и этот мальчишка отныне запечатлен в веках в образе сына моего...

А ведь и правда по возрасту он годится мне в сыновья. Вернее, во внуки. Нет! Не годится! Вот Сальвадора я легко могла называть «малыш», а этого мальчишку не могу. Я хочу быть девочкой рядом с ним, я хочу... я хочу невозможного! Я хочу вернуть молодость, и бог знает, сколько бы я заплатила за то, чтобы он вернулся ко мне, чтобы я снова стала

ему необходимой! Где он, где он, где?!

Да будь он проклят!»

И тут позвонил секретарь.

– Мадам, вы разрешите зайти к вам? – В голосе отчетливо звучала опаска. – Телеграмма от мсье Фенхольда. Позвольте прочесть?

– Я сама! – завопила она. – Немедленно несите ее сюда. Почему вы тратите время на звонки? Я ведь велела вам немедленно сообщать мне всякое известие от мистера Джефана Фенхольда, даже если его просто покажут в ночных новостях!

– Я боялся вас разбудить, мадам, – жалобно простонал секретарь. – Простите меня!

– Я вас уволю, – тихо сказала она, – уволю, если телеграмма не будет у меня в руках через... через полторы минуты!

В трубке послышались гудки. Ага, время пошло!

Она вытянула руку с пультом и отключила электронные замки. Она за честную игру, пусть секретарь не говорит потом, что на его пути возникли неодолимые преграды!

На часах, которые были вмонтированы в копию (авторскую) картины Сальвадора «Мягкие часы», отщелкало ровно полторы минуты, когда секретарь ворвался в дверь. Интересно, он бегом бежал или все же на лифте поднимался?

Не слушая утренних банальностей, она протянула руку:

– Ну?

Схватила телеграмму, поднесла ко все еще острым, чер-

ным – «птичьим»! – глазам:

«Срочно нужны тридцать восемь тысяч долларов, иначе умру. Джефф».

Тридцать восемь тысяч долларов!

– Мерзавец, – с нежностью сказала она. – Какой мерзавец! Он меня разорит. Мало ему студии звукозаписи, мало дома на Лонг-Айленде, мало картин моего гениального мужа, которые я ему дарила. Он так и норовит обчистить меня до нитки! Игрок! Актеришка, игрок!.. Пошлите ему, пошлите эти деньги, – кивнула она секретарю. – Да поскорей! И заодно дайте телеграмму. Нет, две телеграммы. Одну Джонни, в приложение к деньгам, другую в Кадакес, сеньору Дали. Аналогичный текст в оба адреса: *«Люблю тебя, мое божество! Всегда твоя – Гала».*

* * *

Она ненавидела свое имя всегда, сколько помнила себя, и проклинала родителей, которые назвали ее Еленой. Люди ведь мыслят готовыми клише, и у всех в головах мгновенно вспыхивает рядом с этим именем готовый эпитет: Елена Прекрасная. Леночка Дьяконова считала, что этот эпитет истаскан в веках настолько, что сделался пошлым и банальным, его и употреблять-то стыдно, однако ничего не могла поделать со всеми этими человечками, которые пожимали

плечами, глядя на нее, и в глазах их отчетливо читалось разочарование: «Ну какая же она «прекрасная», эта маленькая, тощенькая, похожая на птичку, на мышку-норушку или даже вовсе на насекомое девица со смуглым поджарым телом? К тому же у нее, говорят, чахотка... Ну разве можно себе представить чахоточную Елену?!»

Да, у нее были слабые легкие. Матушке было вечно недосуг заниматься здоровьем дочери, она устраивала свои собственные дела: умер муж, она ужасно мучилась, возьмет ли ее к себе прежний любовник, адвокат Дмитрий Ильич Гомберг... Слава богу, взял и даже перевез из этой ужасной Казани к себе в Москву. Леночку Дмитрий Ильич очень любил, и это неудивительно: из болтовни двух горничных она скоро узнала (разумеется, тайно, потому что обожала подсматривать да подслушивать, что при ее крошечном росточке и худобе было легче легкого, ведь она в любую щелку пролезть могла), что он-то и был ее настоящим отцом, а скромный казанский чиновник Дьяконов просто-напросто женился на матушке и был таким простаком, что принимал чужую дочь за свою!

Ну, словом, выйдя наконец замуж, матушка спохватилась, что Гомберг женился на ней не столько ради прежней любви, сколько ради дочери. А если Леночка помрет от чахотки, он ее снова бросит? Нет, надобно девочку полечить. Казанский кумыс не помог, значит, нужно более серьезное лечение. Деньги у Дмитрия Ильича немалые – пусть-ка Леночка

съездит в Швейцарию. В Давос.

Леночка поехала, но первое, что она сделала, как только вокзал исчез из виду, это решила: никогда и ни за что она больше не будет зваться своим постылым именем. Как ты себя назовешь, так тебя и примут люди. Имя должно быть праздничное, невероятное, ослепительное... пускающее пыль в глаза, причем такую пыль, которая навсегда в этих глазах останется!

В это время она как раз зубрила французский – чтобы не ударить в грязь лицом в Давосе. И вдруг ее осенило. Gala, Галá – вот подходящее слово! Gala – по-французски «торжество». Гениально! Конгениально!

– Mon nom – Gala, мое имя Гала, – отныне представлялась она – и испытывала подлинное торжество, видя, как вспыхивают у новых знакомых глаза. К тому же, не связанная больше постоянным недовольством матери, скучливостью приемного отца и докучливой заботливостью отчима (и родного отца в то же время), она развернулась вовсю, сама удивившись, сколько веселья и очарования таится в ее душе и натуре. Гала при новом имени, как в новом, необычайно идущем платье, чувствовала себя вольно и свободно, ощущала, что была невероятно обворожительна и даже обольстительна. Именно так подумал о ней юный светлоглазый француз, которого звали Эжен-Эмиль-Поль Грендель. Очень скоро Гала начала звать его просто Жежен, потому что они познакомились так легко, как знакомятся только чувствитель-

ные туберкулезники. А вскоре подружились так близко, как только могут подружиться юноша и девушка.

Словом, они влюбились друг в друга и дали друг другу, как обожают писать дамы-романистки, все возможные доказательства своей любви.

Не то чтобы Жежен доставлял Гала какое-то невероятное удовольствие... Но он был красив, молод, пылок, безумно влюблен, богат и к тому же талантлив. Он писал стихи, и хоть Гала они казались порядочным бредом, немалое преимущество им придавало то, что Жежен все их посвящал возлюбленной, воистину считая ее первоосновой всего сущего:

За проблеск дня счастья в воздухе этом,
Чтобы жить легко согласно вкусу цвета,
Чтобы наслаждаться, любовью смеяться,
Открыть глаза в последний миг:
ОНА – ВСЕ РАДОСТИ.

Эта готовность швырнуть к ее ногам не только жизнь, но и талант казалась Гала главным достоинством милого мальчика. Она прекрасно понимала, что обладает даром зажигать мужчину. Но зачем тратить эти драгоценные спички по пустякам? Зажигать – так зажигать! Может быть, с помощью ее неустанного горения Жежен сделается великим поэтом!

Только Гала решила сделаться спутницей его жизни, как настало время уезжать в Россию. Да и чертова чахотка почему-то вылечилась... Кто ее только просил?!

Обливаясь слезами и поминутно целуясь, Гала и Жежен прощались на вокзале.

– Я к тебе приеду, я приеду к тебе в Россию, – твердил Жежен. – Я мечтаю увидеть твою загадочную страну! Мы станем жить среди девственных полей и лесов, будем приручать диких медведей...

Именно тогда Гала в первый раз подумала, что ее возлюбленный, конечно, очень мил и талантлив, но особым умом не отличается. Еще не хватало – жить среди девственных полей и лесов! Она мечтала жить в городской суете и сутолоке. Причем это должна была быть суета и сутолока Парижа. На меньшее она не согласна.

– Нет! – сказала она, придав своим глазам (слишком темные, маленькие и слишком близко к переносице собранные, они тем не менее были очень выразительны, что и сообщало им почти неодолимое очарование) выражение страстной решимости. – Нет, я сама к тебе приеду. Жди меня!

И, впившись в его губы прощальным поцелуем, вскочила в вагон как можно скорей, чтобы Жежен не успел возразить.

Впрочем, заявить «приеду» оказалось гораздо проще, чем сделать это. Мамаша и папаша глаза вытаращили: куда, к кому? На что жить будешь? Разве мы сможем содержать тебя за границей?! К тому же в Европе беспокойно, говорят, вот-вот война грянет...

Гала испугалась. Если начнется война, она никогда не выберется из России!

Она пригрозила, что покончит с собой.

Мать пригрозила, что выпорет ее.

Гала схватила бритву и чуточку порезала запястье. Мать, не выносившая вида крови, упала в обморок. Отчим, не представлявший, что каждое движение, всякая мысль и всякое чувство его падчерицы (вернее, все-таки дочери) априори не являются спонтанными, а тщательно рассчитаны, перепугался чуть не до смерти и закричал:

– Ладно, ладно, ты поедешь!..

Гала поехала. Вернее – уехала. Потому что нога ее больше никогда не ступала на родимую землю. Гала не тосковала по России ни мгновения, а позднее даже возненавидела ее.

Как ни странно, виновен в этом был именно нежный и чувствительный Жежен, однако это дело далекого будущего, заглядывать в которое пока преждевременно.

Появление какой-то невзрачной русской девицы в жизни их милого и невинного мальчика немало огорчило родителей Эжена-Эмиля-Поля Гренделя (отец его был торговцем недвижимостью), особенно когда они поняли, что и девица-то уже не девица, а их мальчик, увы, не мальчик. Ну ладно, это, что называется, дело житейское, однако сын твердо намеревался жениться на этой особе... Только маменька приготовилась с помощью многочисленной родни воздействовать на разум ребенка, как началась война. Ребенку предстояло идти на фронт, и, конечно, родители не могли быть столь жестоки, чтобы сделать его несчастным и выста-

вить на улицу его возлюбленную, которой совершенно негде было жить.

Гала поселилась в комнате Жежена, которая все равно же стояла пустая. А вырвавшись с фронта в трехдневный отпуск, молодой человек решил узаконить ее пребывание в этой комнате и немедленно потащил подружку в мэрию – сочетаться браком, поскольку шла война, отпуска были коротки, да и времени на жизнь у храбрецов могло быть отпущено совсем чуть-чуть. Поэтому и родители не возражали. Молодых людей поженили, и Эжен-Эмиль-Поль отправился на фронт солидным семейным человеком. Ни страх смерти, ни ужасы войны не остудили в его сердце любовь, напротив – она становилась все сильнее. Тем более что в России сделалась вдруг революция, которая показалась впечатлительно-му юноше столь же загадочной и волнующей, как его жена.

Наконец война кончилась, Эжен-Эмиль-Поль вернулся домой и понял, что ни на что более не годен, только воспевать в стихах метаморфозы своей души и любовь к Гала. И хоть у них в это время уже родилась дочь Сесиль, супруги поняли, что никакие буржуазные узы или предрассудки никогда не смогут сковать их чувство и их творчество. Сущностью их любви была свобода! Именно поэтому Эжен-Эмиль-Поль позволял своей жене позировать модному фотографу-американцу Мэну Рею. Позировала Гала обнаженной, и фотографии получились блистательными. Гала призналась, что бурный секс способствовал вдохновению фото-

графа, и Эжен-Эмиль-Поль, который черпал вдохновение в том же источнике, одобрил свою жену. Он восхищался всем, что она делала, и не переставал любить ее.

Она стоит на моих ресницах,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.